

ЭММАНУИЛ ИОФФЕ

Кто он, «белорусский Берия»?

«Белорусский Берия» — не кто иной, как один из высших руководителей органов внутренних дел и государственной безопасности БССР и СССР, генерал-лейтенант Лаврентий Цанава. Правда, это не настоящая фамилия, а настоящая — Джанджгава. А сменил ее по совету Берии в 1938 году, когда был назначен наркомом внутренних дел БССР.

Родился в августе 1900 года в семье крестьянина-бедняка в селе Нахуново Сенакского уезда Кутаисской губернии. В феврале 1921 года он организовал повстанческие отряды в родном селе. А в органах ВЧК, а потом ГПУ стал работать в двадцатилетнем возрасте. Был начальником политбюро ЧК Сенакского, Тканетского и Борчалинского уездов (так именовались тогда должности. — Э. И.), заместителем начальника уголовного розыска административного отдела Тифлисского горисполкома, начальником политбюро ЧК Потийского уезда.

Где только потом не приходилось ему работать. Даже на различных должностях в Потребсоюзе Грузии и Наркомате земледелия ЗСФСР. В марте 1935-го — декабре 1938 года он был первым секретарем Потийского горкома партии, потом Цхакайского райкома партии, первым заместителем наркома земледелия Грузии, начальником «Колхидстроля».

Блестящую карьеру Берия сделал после его назначения сначала первым заместителем наркома, а затем наркомом внутренних дел СССР. 17 декабря 1938 года он возглавил Народный комиссариат внутренних дел БССР, с 26 февраля 1941 года был наркомом госбезопасности республики. В декабре 1938 года ему присвоили звание старшего майора госбезопасности, а марте 1940-го — комиссара госбезопасности 3-го ранга.

В июле — октябре 1941-го, январе 1942-го — марте 1943 года Цанава являлся начальником Особого отдела, потом начальником Особого отдела НКВД Западного фронта. С октября 1941-го по апрель 1943 года занимал ответственный пост заместителя начальника управления Особых отделов НКВД СССР.

В марте 1943 года Цанава стал начальником Особого отдела НКВД Центрального фронта. Также был начальником оперативно-чеккистской группы НКВД СССР по БССР, заместителем командующего войсками 2-го Белорусского фронта (1945). Одновременно являлся наркомом-министром госбезопасности БССР (1943—1951), заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения (1943—1945), уполномоченным НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту (январь — июль 1945 года). 9 июля 1945 года Лаврентию Фомичу присвоили звание генерал-лейтенанта. 29 октября 1951 года Цанава был назначен заместителем министра госбезопасности СССР, а 6 ноября того же года — еще и начальником 2-го Главного управления (контрразведка) МГБ СССР. 15 февраля 1952 года его сняли с должности за допущенные «серьезные ошибки» и уволили на пенсию.

Если быть объективным, нельзя обойти молчанием воинские заслуги Цанавы. Он был решительным в борьбе с врагом, не считался с опасностью. Во время боев на Западном фронте его тяжело ранило и контузило.

В «Докладной записке Особого отдела НКВД Западного фронта № 70991-сч командующему фронтом Г. К. Жукову и члену Военного совета фронта Н. А. Булганину о работе Особого отдела за период с 22 июня по 28 декабря 1941 г.» от 30 декабря 1941 года есть такие строки:

«Особым отделом НКВД Западного фронта с начала войны по 28 декабря арестовано и разоблачено 505 агентов немецкой разведки. Из них: завербованных до войны — 4, переброшенных через фронт из числа военнопленных — 380, жителей временно занятых противником районов — 76, жителей прифронтовой полосы — 43, агентуры, внедренной в штабы войсковых соединений, — 2...».

В этих кратких итогах борьбы с немецкими шпионами и диверсантами есть определенная заслуга комиссара госбезопасности 3-го ранга Цанавы.

Он также руководил созданием отрядов особого назначения, посылаемых в тыл врага, лично встречался с командирами этих спецгрупп и спецотрядов, давал им ценные указания и советы. Об этом рассказывали мне многие бывшие командиры этих отрядов особого назначения, в частности, Владимир Михайлович Литвинский, возглавлявший «спецгруппу капитана Давыдова», которая переросла в партизанский отряд «Новаторы».

К шести шрамам, оставленным от бандитских пуль еще со времен борьбы за Советскую власть в Грузии, добавились новые. Он был удостоен многих правительственных наград, в том числе полководческих — ордена Суворова I степени и ордена Кутузова I степени. Сталин подарил ему именную «виллис».

Однако нельзя не согласиться с мнением А. Майсени:

«Но может ли его воинская доблесть оправдать его же бесчинства и преступления в мирное время? Может ли его непримиримая ненависть к истинным врагам — гитлеровским захватчикам — смыть пятно невинно пролитой крови врагов вымышленных, созданных для ублажения собственных или чьих-то карьеристских побуждений? Цанава был продуктом неразвитого мышления. Всепроницающий образ «врага» довлел над ним всю жизнь. Он проистекал из упрощенного мировосприятия, делившего всех и вся на «своих» и «врагов», а весь смысл жизни виделся в том, чтобы безжалостно уничтожить, сокрушать врагов всех мастей».

Безусловно, именно Цанава являлся одним из организаторов проведения массовых репрессий в БССР и СССР в конце 1930-х — начале 1950-х годов. Только в первый год его деятельности в Беларуси было арестовано 27 тысяч человек. Газеты запестрели словами «фашистские наймиты», «проклятые изверги», «шпионское отребье» и прочее. Фабриковались дела, доказывающие принадлежность к вражеской агентуре большого числа руководителей республики. В тюремные застенки попали председатель Совнаркома БССР А. Ковалев, председатель ЦИК БССР М. Стакун, второй секретарь ЦК А. Ананьев, секретарь ЦК В. Потапейко, нарком просвещения В. Пивоваров, заместители Предсовнаркома республики И. Журавлев, А. Темкин и другие партийные, комсомольские и государственные деятели. Следствием по их делу руководил Цанава, а часто самолично вел допросы.

В книге воспоминаний бывшего Председателя Совета Народных Комиссаров БССР А. Ковалева «Колокол мой — правда» читаем:

«Старший по званию, лейтенант НКВД, предъявил ордер на арест и обыск, подписанный наркомом внутренних дел БССР Л. Ф. Цанавой...»

После девятисуточного стояния на допросах ноги и руки распухли, лицо отекло. Я с трудом передвигался. Ноги не вмещались в штанины, пришлось разорвать их до колена, а на ноги надеть галоши, которые носил раньше на сапогах. Физически я был почти сломлен, духовно — нет.

В таком виде я предстал перед наркомом внутренних дел БССР Л. Ф. Цанавой. Он пожелал лично допросить меня.

Посреди кабинета, куда меня ввели, стоял длинный стол, в конце которого сидел небольшого роста человек. Черный, с большим носом...

— Да, как видно, живется вам тут неважно, комфорт тут тюремный, самый подходящий для врагов народа, — ехидничал Цанава. Ему угодливо улыбались присутствовавшие здесь же работники старшего состава аппарата НКВД.

Цанава, довольный своим остроумием, продолжал некоторое время молча рассматривать меня с ног до головы, потом изрек:

— Нам нэт неабхадымасти вазыцься с тобой, нам все известно. Ты, безусловно, враг, и будэм судить, как врага народа. Но мы хатым облегчить твою участь тэм, что ты чыстасэрдэчна раскажэш о своей враждебной работе...»

Цанава требовал от следователей добиваться «признаний» любыми способами. В ход пускались жестокие физические пытки, изощренные методы психологического давления. С его именем связаны и репрессии против населения Западной Белоруссии в 1939—1941 годах.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранится уникальный документ о четвертой по счету массовой депортации, проведенной 19—20 июня 1941 года. После ее завершения, за день до начала Великой Отечественной войны, Цанава писал в ЦК Компартии Беларуси:

«Совершенно секретно

Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии товарищу Пономаренко

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Доношу итоговые данные проведенной операции по аресту участников различных контрреволюционных организаций и формирований и выселению членов их семей и другого контингента, подлежащих выселению:

1. Операция, по заранее утвержденным планам, была начата в ночь с 19-го на 20 июня одновременно по всем западным областям Белорусской ССР и в основном закончена в тот же день — 20 июня до 15 часов дня.

2. В результате проведенной операции всего репрессировано — 24 412 душ.

В том числе:

1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских контрреволюционных организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другой к-р элемент — 2059 человек.

2. Выселено — 22 353 души...».

Приложил он также руку к послевоенным репрессиям на территории Белоруссии, а по приказу Сталина и министра госбезопасности СССР Абакумова принял активное участие в убийстве в Минске в январе 1948 года народного артиста СССР С. Михоэлса.

В начале 1950-х годов задумал расправиться с первым секретарем Гродненского обкома партии С. Притыцким. Он не мог простить ему, что областной комитет пытался призвать к порядку не в меру распоясавшегося начальника областного управления госбезопасности Фролова, ходившего у Цанавы в «любимчиках». «Дело Притыцкого» вначале выстраивалось вокруг «признания» провокатора. Лаврентий Фомич попытался дискредитировать деятельность Сергея Осиповича в комсомольском и партийном подполье Западной Белоруссии. Он вручил первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии Н. Патоличеву письмо о «подпольной контрреволюционной деятельности Притыцкого в Польше». За этим последовали другие: о родственниках Притыцкого, о родственниках его жены и прочие.

По приказу Цанавы были организованы поиски новых доказательств. Наконец, Притыцкому предъявили обвинения в «провоцировании повстанческих настроений в Гродненской области». Дело приняло крутой оборот. Только благодаря принципиальной позиции ЦК КПБ, и прежде всего Н. Патоличева, Притыцкого удалось отстоять и защитить.

В воспоминаниях Николая Семеновича «Совестью своей не поступишь» (М., 1995) есть такие строки:

«...Однако обстановка осложнялась. Цанава засыпал меня все новыми «документами». Снова еду в Центральный Комитет (ВКП(б). — Э. И.). Вновь мне твердо заявили, что Притыцкого надо уберечь и из-под удара вывести. «Отзовите его на работу к себе в ЦК, хотя бы в качестве инспектора», — посоветовали мне. Мы так и сделали».

Зато не удалось спасти министра просвещения БССР П. Саевича, который отказался быть редактором «творений» Цанавы. Его оклеветали, обвинив в шпионаже, троцкизме, двурушничестве, национализме, контрреволюционной деятельности и даже в валютных махинациях.

Якобы будучи в составе делегации на Белградском Всеславянском конгрессе, Саевич стал на путь предательства, установил связь с неким эмигрантом Лосем, получил от него 4000 динаров для передачи их его матери, проживающей в Бресте. Кроме того, будто Саевич до ареста хранил у себя на квартире антисоветскую литературу с портретом Тито (дело в том, что в годы Второй мировой войны он находился в качестве представителя при штабе Иосипа Броз Тито. — Э. И.). Будучи в июне 1947 года в Варшаве на пленуме Всеславянского комитета, привез от капитана польской армии Романовского посылку для передачи матери в Молодечно...

После перевода Цанавы в Москву на должность заместителя министра госбезопасности СССР 28 ноября 1951 года приговором военного трибунала войск МГБ П. Саевича признали виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 63-1, 72 «б» и 76 Уголовного кодекса, и приговорен к заключению сроком на 25 лет с конфискацией имущества и лишением всех наград.

Постановлением Комитета государственной безопасности БССР и военного прокурора Белорусского военного округа от 5 августа 1954 года следственное дело по обвинению было прекращено, и он, реабилитированный, вышел на свободу. Но прожил после этого недолго. Умер в 1956 году. Безусловно, пытки не прошли даром. А допрашивали его 164 раза, притом в ночное время, и продолжалась экзекуция от 10 до 16 часов. Только в июне 1951 года Саевич перенес 44 допроса. Два — по 16 часов 30 минут. В течение двух—трех недель его лишали сна.

Пользуясь, по сути, неограниченной властью, генерал Цанава насаждал в республике «культ Цанавы» — человека всемогущего, которому все дозволено, для которого законы не писаны. Об этом свидетельствуют воспоминания Сергея Бельченко, который в 1943—1953 годах работал министром внутренних дел БССР и часто встречался с Лаврентием Фомичом:

«Лаврентий Цанава каким был, таким и остался. Надменным, нагловатым... Он считал себя в Белоруссии вторым человеком после П. К. Пономаренко».

Предметом особой гордости Цанавы была изданная в двух частях, объемом полторы тысячи страниц, книга «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков (Ч. 1. 1949; ч. 2. 1951). На темно-синей обложке, вверху, золотистыми буквами было вытеснено «Л. Ф. Цанава». Естественно, ее писали ученые-историки. Они же и обрабатывали материалы.

Несмотря на это, Цанава стал лауреатом Сталинской премии 1949 года. Уезжая по делам в Москву, он непременно запасался дюжиной-другой «своих сочинений», чтобы подарить их друзьям и знакомым. Подчиненные держали эту книгу на всякий случай на своих рабочих столах. Это ему, конечно, льстило. Лишь в 1953 году его лишили права авторства этой книги.

5 марта 1953 года умер Сталин, Цанаву назначили одним из распорядителей на похоронах. Развязка наступила 4 апреля 1953 года, когда его вызвали в Министерство госбезопасности и арестовали. Приказ на арест отдал не кто иной, как Берия.

У читателя сразу возникает вопрос: «Почему он отдал такой приказ?»

Дело в том, что уже в 1951 году Берия знал, что тогдашний министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов, который соперничал с Берией за близость к Сталину, успел насадить в руководстве родного ведомства своих людей, да и многие выдвиженцы Берии, вроде Цанавы, успели переметнуться на его сторону и усидели на своих местах даже после падения Абакумова.

В октябре 1951-го Цанаву перевели из Белоруссии в Москву, назначив заместителем министра госбезопасности СССР вместо «человека» Берии С. Гоглидзе, которого отправили в почетную ссылку в Узбекистан для руководства тамошними органами госбезопасности.

Еще с середины 1951 года у Сталина возникли серьезные подозрения в отношении Берии. Так называемое «мингрельское дело» было направлено не только

против коррупции и клановости, исходящих от представителей соответствующей народности, изобиловавших в руководстве Грузии, но и в какой-то мере против их влиятельных покровителей в Москве, прежде всего бывшего всемогущего наркома внутренних дел СССР Берии, хотя его фамилия не упоминалась в принятом 9 ноября 1951 года постановлении Политбюро ЦК по «мингрельскому делу». Примерно в то же время, следуя неписаному номенклатурно-аппаратному правилу «падающего — толкни», министр госбезопасности Грузии Н. Рухадзе проинформировал центр о том, что Берия скрывает свое еврейское происхождение. Этот выпад был, видимо, инспирирован заместителем министра госбезопасности СССР, начальником следственной части МГБ М. Рюминым, который вместе с Цанавой — другим недоброжелателем Берии, не прочь был представить последнего в глазах Сталина еще одним сионистским заговорщиком.

Однако Берия, несмотря на это, сумел не только выстоять, а и потом, возвратив благорасположение вождя, расправиться со своими врагами в МГБ. С лета 1952-го по весну 1953 года он добился сначала изгнания Рюмина, Цанавы и Рухадзе из органов госбезопасности, а потом их ареста.

2 апреля 1953 года Берия, вновь взяв на себя руководство госбезопасностью, написал письмо Председателю Совета Министров СССР Маленкову, в котором излагал обстоятельства смерти Михозлса.

Абакумов на допросе рассказал:

— Сталин дал мне срочное задание быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михозлса под видом несчастного случая. Непосредственно операцией по убийству Михозлса руководил мой первый заместитель генерал-лейтенант Сергей Иванович Огольцов.

Убийство произошло 12 января 1948 года. Вечером, после ужина агенту МГБ, театральному критику Голубову-Потапову, приехавшему в Минск вместе с Михозлсом, позвонили и попросили с ним прийти на еврейскую свадьбу. Машину за ними прислал сам Цанава. Но они не на свадьбу попали, а на его дачу. Там их и убили дубинкой, для маскировки раздали грузовой машиной. В полночь трупы отвезли в город и бросили в районе теперешней улицы Ульяновской, напротив стадиона «Динамо», где они были обнаружены утром.

Один из исполнителей — полковник Федор Шубняков, награжденный за это 29 октября 1948 года орденом Отечественной войны I степени, после смерти Сталина написал рапорт об убийстве. Огольцова и Цанаву, получивших ордена Красного Знамени, лишили наград и арестовали. А материалы об этом убийстве Берия опубликовал. По решению Президиума ЦК КПСС 4 апреля 1953 года Лаврентий Фомич был арестован и обвинен в соучастии в убийстве С. Михозлса.

Во время одного из допросов Цанава увидел на столе газету с сообщением об аресте Берии. Это стало для него потрясением.

Через три дня после смерти Цанавы в докладной записке исполняющего обязанности Генерального прокурора СССР П. Баранова в ЦК КПСС от 15 октября 1955 года говорилось:

«Секретно. ЦК КПСС. Докладываю, что дело по обвинению бывш. министра государственной безопасности БССР Цанавы Л. Ф. прекращено за смертью обвиняемого. Цанава с мая с. г. находился на излечении в больнице при Бугырской тюрьме и умер 12 октября. 14 октября судебно-медицинским экспертом произведено вскрытие трупа и установлено, что «смерть Цанавы Л. Ф. наступила от недостаточной сердечной деятельности на почве резкого склероза венозных артерий и хронической аневризмы сердца. Заболевание Цанавы Л. Ф. имело давний характер и являлось необратимым».

К сожалению, известны многие случаи составления подобных «медицинских заключений». Поэтому и сегодня нельзя со стопроцентной точностью ответить на вопрос: «Так Цанава умер или покончил жизнь самоубийством?»

